

Булач Гаджиев
Дочери Дагестана

«Эпоха»

2012

Гаджиев Б. И.

Дочери Дагестана / Б. И. Гаджиев — «Эпоха», 2012

Булач Имадутдинович Гаджиев, известный историк, краевед, неутомимый популяризатор истории родного края, к сожалению, ушедший от нас в 2007 г., рассказывает о женщинах Дагестана, сыгравших определенную роль в судьбе нашего края, оставивших заметный след в его истории. Книга будет с большим интересом прочитана широким кругом читателей – и теми, кто хорошо знает историю родного края, и теми, кто только соприкасается с замечательными ее страницами, которую делами наравне с мужчинами, создавали и многие незаурядные, прекрасные женщины.

© Гаджиев Б. И., 2012

© Эпоха, 2012

Содержание

Жанна д'Арк из аула Хуна	6
Если бы не Джарият	11
Одна краше другой	14
О ней слагали легенды	20
Шуанет	23
Каримат	30
Внучки Шамиля	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Булач Имадутдинович Гаджиев

Дочери Дагестана

В книге использованы статьи:

III. Микаилова (Заира Хизроева),

Ф. Алиевой (Хамис Казиева),

А. Халикова (Мариам Ибрагимова),

М. Халимбековой (Муи Гасанова и Фазу Алиева).

© Б. И. Гаджиев, наследн. 2012

© ИД «Эпоха», 2012

Жанна д'Арк из аула Хуна

Если из Кумуха, центра Лакского района, идти на юго-восток, то, не доходя до села Арчутта, вы увидите небольшой ручей, перебегающий через аробную дорогу. Место это называют Партувалил рат.

Более ста пятидесяти лет назад из села Хуна нукеры Агалар-хана увезли девушку невиданной красоты по имени Парту. В Кумухе ее ждала ночь и встреча с ханом. Парту была не первой жертвой Агалар-хана. Девушка попросилась выйти на балкон. Воспользовавшись тем, что слуги были чем-то отвлечены, она вырвалась из ханского дворца, бежала, перескакивая через ступени.

Жители Кумуха, видевшие, как она помчалась к Казикумухскому Койсу, подумали: бросится в реку, но Парту перебежала деревянный мост и скрылась за поворотом. В это время во дворце хана подняли тревогу. Нукеры знали, что лишатся своих голов, если не воротят девушку.

На подступах к аулу Хуна они настигли беглянку, схватили ее, подняли на лошадь и посадили впереди самого могучего нукера. Парту сопротивлялась, все норовила спрыгнуть, ударить, укусить. Тогда девушку посадили сзади и привязали к спине седока. Изловчившись, она выхватила кинжал и убила своего мучителя. Но и сама в ту же минуту упала с лошади. Нукеры устроили над Парту дикую расправу.

С тех пор место гибели девушки называют Партувалил рат – речка Парту. Старики останавливаются у ручья на минуту-другую, читают молитву, а в том месте, где упало тело девушки, складывают камешки.

В том же ауле Хуна за 450 лет до описанного события жила другая девушка по имени Парту¹. Это о ней в 1905 году революционер Саид Габиев написал: «У лаков есть своего рода Жанна д'Арк – Парту Патима, которая некогда спасла родной край от нашествия монголо-татар. О ее подвиге свидетельствует и надгробный памятник, который привлекает летом много паломников, преимущественно женщин: ее считают святой девой».

В 1395 году среднеазиатский полководец Тамерлан огнем и мечом прошел через Северный Кавказ и разбил войска Золотой Орды. Затем повернул на юг. Уже на территории Дагестана, оставшись без воды, приказал вырыть громадный колодец, получивший название Темир-гою – колодец Тимура. Затем перешел реку Сулак близ нынешнего Чиркея, послал ряд карательных экспедиций на Салатавию, обманом подчинил крепость Кадар, усмирил Кули и ряд населенных пунктов, находящихся сейчас рядом с даргинским аулом Цудахар, и подошел к землям лакцев. Опасность приняла устрашающие размеры. Случилось это в следующем 1396 году. Горцы готовились к боям. За кладбищем аула Хуна джигиты метали копыя, фехтовали на мечах, точили клинки.

¹ Некоторые считают родиной Парту сел. Ахар.

Тамерлан

Мимо героев с кувшином за плечами проходила Парту Патима.

Поприветствовав джигитов и дав им напиться, девушка попросила позволить ей показать свою доблесть. Удивились джигиты. Один из них сказал:

*«Ужель, Патима, говоришь ты всерьез?
Зачем же джигитов смешишь ты до слез?»*

Не обиделась девушка на эти слова, а попросила прежде дать ей дамасский клинок, шлем, кольчугу и коня.

Сказав так, подняла Парту Патима кувшин на плечи и, не оглядываясь, ушла домой.

Воин Тамерлана. Рисунок художника Бюрниева

Через некоторое время примчался, как молния, всадник лихой. Это была Парту. Она подъехала к тому джигиту, который высмеял ее, и вызвала его на состязание. Их лошади фыркали и ржали, предчувствуя бой. Как два нарта, двинулись они друг на друга. Дважды нанес удар джигит, но оба раза неудачно. Наступил черед Патимы, и сабля молодца вылетела из рук. Оробел от стыда джигит. Стал просить прощения у девушки за свою насмешку. Но на это Парту Патима отвечала:

*– Соседский джигит, умоляю тебя,
Себя ты не мучай, о прошлом скорбя,
Бывает и так, – ты поверь мне как другу, —
Что волка лягает осел с перепугу.*

А в душе перед поединком думала: если Ахмед победит, то задарит его и в губы поцелует при народе, но на это у Парту все-таки не хватило бы смелости, да и Ахмед спасовал.

Парту Патима:

С этого часа джигит Ахмед полюбил Парту Патиму. И тут пришло тревожное известие: идет на их родину хромой Тимур. Герои собрались в Кумухе. Провожать их вышел весь аул. В доспехах и на коне была и Парту Патима.

Что за диво: за девушкой скачет весь отряд. Тимуру доложили об этом. Смеялся Тимур:

*«Вселенная клич мой услышала бранный,
Пленял я царей, завоевывал страны,
Но вижу впервые отряд пред собой,
За девушкой-воином скачущий в бой!»*

От удара двух сил взорвалось небо, поле усеялось головами героев, горячая кровь полилась по земле.

Враги смутились впервые. Тимур не знал, не видел еще такого боя. Снова сомкнулись и разошлись горцы с врагами. Решили: пусть встретятся сильнейшие от каждой стороны. От противника вышел Тугай, от горцев – юноша Ахмед, возлюбленный Парту Патимы.

*Был крепче Тугай, размахнулся с плеча,
Рассек он Ахмеда ударом меча.*

Не удержалась Патима, выхватила клинок и кинулась на Тугая.

*Тугай замахнулся, но сабле Тугая
Ответила девушки сабля кривая.
Еще один взмах, и еще один взмах —
И пал перед ней обезглавленный враг.*

Против Парту вышел брат Тугая. Рассердилась девушка. Обвила вокруг шлема свои густые косы, по локоть засучила рукава:

*Направо взмахнет – и врага обезглавит,
Налево взмахнет – коня рассечет.*

Бежал Тимур.

По приказу девушки-воина собрали тела мертвых бойцов, принесли и останки Ахмеда. Упала Парту Патима, оплакивая возлюбленного. Вернулись джигиты домой, навстречу вышел благодарный народ и более всех воздал он славу своей дочери. Так было.

Прошли столетия. Но народ не забыл своей героини. В 1938 году из уст 90-летней Д. Хайдаковой было записано сказание о девушке-воительнице, спасшей наши горы от иноземных захватчиков, девушке, которую справедливо сравнивают с героиней Франции – Жанной д'Арк. Ее могила стала местом паломничества. Подвиг во имя родины не забывается.

И наконец. Президиум лакского народного движения и совет республиканского культурно-спортивного клуба «Дагестан» утвердили проект мемориального комплекса, посвященного подвигу Парту Патимы в битве против средневекового завоевателя Хромого Тимура.

Автор проекта М. Цахаев создал в центре Кумуха оригинальный комплекс из каменных глыб с высеченными на них барельефами и статуей героини на коне.

Если бы не Джарият

В начале октября 1995 года руководство Дагестанского телевидения решило снять документальный фильм о памятных местах Кази-Кумуха. С этой целью я вместе с киногруппой прибыл в центр Лакии.

Завершив работу за два дня, мы собрались домой, как в узком коридоре общего дома лицом к лицу я столкнулся с человеком, назвавшимся учителем Юсупом. После салам-алейкума он обратился ко мне с вопросом:

- Вас интересовали памятники старины?
- Да – отвечал я, – конечно.
- Разве моя бабушка не является таким памятником?
- Простите, какая бабушка?
- Хайдакова Джарият.

Было от чего хвататься за голову. Конечно же, я не раз и не два слышал это имя, но не предполагал, что имеются потомки знаменитой сказительницы. В памяти мгновенно, как в кино, замелькали картинки событий 600-летней давности.

Джарият Хайдакова с мужем

Но в тот день в тесном коридоре ждал моего ответа учитель Юсуп Хайдаков. Поблагодарив его, просил переправить на мой адрес воспоминания о своей бабушке. Он обещал. Расставаясь, мы крепко пожали руки друг другу.

Мой новый знакомый оказался человеком, верным данному слову. Вскоре мне вручили бандероль. Несказанно обрадовавшую меня, так как я получил не только обещанное письмо, но и фотографию знаменитой сказительницы.

Читатель, может, начнет гадать, почему я употребил эпитет «знаменитой»?

Да потому, что не будь на свете Джарият Хайдаковой, мы не знали бы многого о дагестанской Жанне д'Арк – жемчужине дагестанского фольклора. Ниже привожу сведения, присланные Юсупом Хайдаковым:

«Хайдакова Джарият родилась в 1852 году в селении Кази-Кумух Кази-Кумухского ханства. По рассказам моей матери, Хайдаковой Рукижат, Джарият получила достаточные знания в медресе. Училась она у известных ученых того времени. Хорошо знала историю, фольклор лакского народа, сама сочиняла стихи на различные события. Но они не сохранились, кроме одного стихотворения, написанного ею на гибель младшего сына Алила, который был расстрелян в 1919 году в темир-хан-шуринской тюрьме.

Бабушка Джарият была мастерицей шить мужскую одежду из местного материала – чуха (сотканного вручную из шерстяных ниток).

Я, десятилетний ее внук, до сих пор помню большие ножницы, которыми пользовалась бабушка.

Она была высокого роста, довольно плотного телосложения и красивая лицом. По многим вопросам жизни к ней за советами обращались жители Кази-Кумуха.

Больше всех бабушка любила самого старшего внука, Саида. Он с малых лет также увлекался историей. Он не уставал слушать сказки о нартах, эпические песни, связанные с прошлым Дагестана.

Почему я заговорил о нем, узнаете чуть ниже.

В годы войны Саид преподавал немецкий язык в Кумухской школе, а я учился. У нас не было ни книг, ни тетрадей.

Однажды в поисках чистой бумаги я обшарил все наши комнаты и в одной из них, в какой-то нише, обнаружил папку с листами, исписанными красными чернилами. Ими-то я стал пользоваться во время письменных работ. За этой-то работой меня застал Саид.

Он пришел в ужас. Оказалось, что я вымарывал записи бабушки Джарият о подвигах Парту Патимы.

Я глубоко каюсь в случившемся, потому что из-за меня бесценное сокровище народного творчества не дошло до нас в полном объеме».

Одна краше другой

3 ноября 1819 года у Бавтугая в небольшой схватке А. П. Ермолов одолел Ахмет-хана Аварского. Хан поспешно отступил в горы, а Алексей Петрович, проехав широкую степь, повернул от моря направо в Тарки к шамхалу Тарковскому.

Здесь в честь гостя был устроен прием. Генерал ел, пил и незаметно, чтобы не выдать себя, приглядывался к женской половине. Одна из девушек с гордой осанкой поразила его своей красотой и сложением. Видимо, знала себе цену.

Сел. Казанище. Люди шамхала Тарковского.

– Кто она такая? – спросил он у шамхала.

– Моя подданная.

– Я не о том. Имя у нее есть?

– Да, конечно, – отвечал смеясь шамхал. – Сюйду, дочь Абдуллы, двадцать лет.

– Что значит Сюйду? – спросил генерал.

– Влюбилась.

– В кого?

У шамхала язык прилип к горлу, но все-таки ответил:

– Да ни в кого. Имя у нее такое... Шамхал понял, почему Ермолов затеял этот разговор, и на следующий день привел девушку к генералу.

У Алексея Петровича вкус был отменным. Внешность Сюйду поражала не только его.

Генерал А. П. Ермолов

Сюйду не смела ослушаться хозяина и стала женой человека, который был в два раза старше нее. Она стала женою по закону, когда от мужа назначается денежная сумма с движимым и недвижимым имуществом. Сюйду имела еще одно преимущество в отличие от временных жен: в случае смерти мужа, то есть А. П. Ермолова, если не было детей, она могла получить четвертую часть наследства, если же оставались дети – восьмую часть. Такой договор удовлетворил таркинку и ее родителей.

Когда А. П. Ермолов уезжал в Тифлис, Сюйду ждала ребенка. Генерал приказал, чтобы после родов она приехала к нему. Родился мальчик. Сюйду оказалась не робкого десятка, а Алексей Петрович очень привязался к ней, поэтому сын стал носить два имени – Виктор и Бахтияр.

Через два года мать и сына отвезли в Тифлис в резиденцию А. П. Ермолова. Жили они в роскоши, все было, что душе угодно, но из дворца Сюйду почти никуда не выходила, а так как она не знала ни русского, ни тем более грузинского языка, то и поговорить ей было не с кем. Муж был все время занят государственными делами, и Сюйду стала тосковать по дому, по родным.

Одно утешало женщину: мальчика во дворце учили хорошим манерам, русскому языку, кормили по-царски. Когда Виктору-Бахтияру исполнилось четыре года, его отправили в Рос-

сию, чтобы дать настоящее образование и воспитание, подобающее сыну наместника царя на Кавказе.

Ехать с сыном в Москву мать не захотела, так же как и продолжать жизнь с мужем. Для того была веская причина, о чем я расскажу дальше. Ермолов не nevoлил. Ее богато одели, обули, посадили в карету и с соответствующей охраной, запасом продуктов и денег отправили на родину.

После этого Алексей Петрович не раз бывал в Дагестане, но в Тарках больше не появлялся, чтобы не видеться с женщиной, к которой несколько лет назад воспылал, казалось бы, неугасимой любовью. От большого счастья также надо иногда отдыхать.

Сюйду тем временем была так же хороша, как и раньше, а после Тифлиса и вовсе у нее появилось много воздыхателей. Она выбрала таркинца Султанали, которому подарила сына Черува и дочерей Джансу и Ату.

Шамхал Тарковский

Теперь о том, почему Сюйду не захотела оставаться хозяйкой тифлиского дворца. В том же 1819 году, когда Ермолов увидел Сюйду в Тарках, в Какашуре он обратил внимание на другую девушку, тоже редкой красоты, но помолвленную с односельчанином Искендером². Девушку звали Тотай. Она, как и Сюйду, произвела на генерала большое впечатление. Он объявил шамхалу, что готов идти на все, только бы после окончания похода забрать Тотай с собой в Тифлис. Шамхал же не мог напомнить генералу о Сюйду, так как сам имел несколько красавиц – жен.

Из Какашуры Ермолов отправился в Акушу, чтобы наказать восставших дагестанцев, а тем временем отец Тотай Ака в одночасье засватал свою дочь за Искандера.

² Русская старина. № 9. 1984. С. 526.

Женщина из Казанища – владения шамхала Тарковского. Рис. Г. Г. Гагарина.

Усмирив акушинцев и их союзников, 1 января 1820 года генерал прибыл в Параул. Тотчас же он велел сыну шамхала Альбору немедленно отправиться в Какашуру и во что бы то ни стало привезти Тотай. По свидетельству А. Берже, поручение было успешно выполнено. Помогло еще то, что отца девушки в момент похищения не было дома. Он находился в Кафыр-Кумухе, куда ездил молотить пшеницу. Ака, не мешкая ни минуты, отправился по следам войск Ермолова, которые настиг в Шамхалянгиюрте. От местных жителей без труда он узнал, где держат его дочь. Ринулся туда, но его не допустили к Тотай, объявив, что и речи не может быть о ее возвращении в родной аул. А в качестве утешения вручили отцу перстень, серьги и шубу Тотай и велели возвращаться домой.

И на этот раз шамхал пошел навстречу Алексею Петровичу, выдав ему свидетельство, будто Тотай – девушка знатного происхождения.

Со второй гебинной женой Ермолов жил гораздо дольше, семь лет, и имел от нее трех сыновей – Севера (Аллах-Яра), Клавдия (Омара) и мальчика, умершего в раннем возрасте, имя которого биограф Ермолова А. Берже не мог назвать. Тотай родила и дочь – Сатиат, или, как называли ее в кругу генерала, Софию-ханум.

Ака смирился с тем, что произошло с его дочерью, и часто ездил в Тифлис с сыном Джанкиши навестить Тотай и русского зятя.

В 1827 году Ермолов был отозван с Кавказа. Он пробовал убедить Тотай принять православную веру, но безуспешно. Тотай отказалась ехать с ним в Россию. Сыновья отправились с отцом в Москву, а Тотай с дочерью вернулась в Дагестан. В ауле Гелли она вышла замуж за Гебека, от которого имела сына Гокгоза и дочь Ниса-ханум.

Ермолов не забывал ни Тотай, ни дочь Сатиат. Бывшей гебинной жене он присылал 300, а дочери – 500 рублей в год. По тем временам это были очень большие деньги.

Тотай пережила Ермолова на 14 лет и скончалась летом 1875 года в возрасте 74 лет. Сатиат ушла из жизни в 1870 году, оставив после себя трех сыновей и четырех дочерей. Их судьбы сложились не совсем удачно.

Будучи в Дагестане, Ермолов облюбовал еще одну красавицу – Султанум, дочь Баммата из аула Буглен. У нее от генерала родился сын Исфендер. Она также была приглашена в Тифлис.

В дороге около станции Червленной случилось несчастье: умер Исфендер. Султанум, недолго думая, вернулась на родину. Спустя некоторое время она вышла замуж за Шейх-Акая, но вскоре он умер. Султанум пережила его всего на несколько дней.

Говоря о гебинных женах Ермолова, А. Берже писал: «В строгом смысле слова Алексей Петрович не переступал за пределы законов нравственности, хотя законы эти и не согласовывались, в данном случае, с учением христианской церкви»³.

... Из Грузии Ермолов прибыл с детьми в Москву, где жил в собственном доме. Более он не женился, но при себе Алексей Петрович имел крепостную девушку, которая ухаживала за ним до самой его смерти.

Уже на склоне лет Ермолову выпала честь стать защитником России в годы Крымской войны. Он командовал Московским ополчением.

Из всех генералов, которые воевали на Кавказе, а их было немало, Шамиль особенно ценил Ермолова. В 1859 году, когда имама Дагестана привезли в Москву и спросили, кого бы он желал видеть, Шамиль, не задумываясь, назвал Ермолова.

А. П. Ермолов скончался в Москве 12 апреля 1861 года на 85-м году жизни. Прах его покоится в г. Орле в особом приделе Троицко-кладбищенской церкви. Над его гробницей теп-

³ Русская старина. № 9. 1984. С. 528.

лится простая чугунная лампадка с надписью: «Служащие на Гунибе Кавказские солдаты». В г. Грозном, там была его землянка, Ермолову, основателю города, установили бронзовый бюст, который потом был снесен.

Последним губернатором Дагестана оказался также Ермолов, потомок Алексея Петровича. Это был выхоленный человек, и носил он бороду а-ля Александр III. Супругой генерал-лейтенанта была графиня Бобринская из рода знаменитых сахарозаводчиков, отмеченных еще Екатериной II. Бобринская была прекрасна и лицом, и телом. Злые языки утверждали, что сохранять красоту ей удавалось с помощью нарзанных ванн, которые графиня принимала у себя дома в Темир-Хан-Шуре, не выезжая на Кислые воды.

Новый губернатор приехал в Дагестан в 1916 году, ровно через 100 лет после своего предка. Он приехал, чтобы заменить Вольского, которого переводили в Тифлис на повышение. В судьбу Ермолова вмешалась революция. В Темир-Хан-Шуре он узнал об отречении царя Николая II. В февральские дни 1917 года у скалы «Кавалер-Батарея», где находилась резиденция губернатора, собралась огромная толпа. По требованию народа Ермолов вышел к демонстрантам и вынужден был под красными знаменами пройти по улицам Темир-Хан-Шуры.

Находясь в Дагестане, он пытался найти потомков своего знаменитого предка Алексея Петровича Ермолова. Житель Буйнакса К. М. Чакальский рассказывал мне, что из аула Гелли к губернатору приезжали какие-то кумыки и Ермолов принимал их благосклонно и даже оказывал им материальную помощь.

О ней слагали легенды

В прекрасную дочь аварского владетеля Ахмет-хана Солтанет влюблялись многие, но ее внимание сумел привлечь только один человек. Им был кумыкский князь Аммалат-бек из аула Буйнак, племянник самого богатого на плоскости человека – шамхала Тарковского.

Сначала все складывалось как будто благополучно, но после одного случая отношения их были прерваны. Произошло это так. В 1819 году в сражении с войсками А. П. Ермолова между Левашами и Акушой дагестанцы были разгромлены. Среди взятых в плен оказался и Аммалат-бек, который до тех пор верил в свою неуязвимость. Ему грозила смертная казнь, но полковник Е. И. Верховский взял молодца на поруки, и А. П. Ермолов снизошел к просьбе своего офицера. Но при этом сказал: «Возьми его, но помни, не доверяйся ему, будь осторожен».

Четыре года полковник и молодой бек находились вместе. Часть времени они прожили в Тифлисе, часть в Дербенте, где Е. И. Верховский был назначен командовать Куринским полком. Все эти годы Аммалат-бек терзался двумя мыслями: стать мужем Солтанет и завладеть шамхальством Тарковского. Но девушка жила за семью горами у своего отца Ахмет-хана, а шамхалу царское правительство оказывало полное доверие и менять его на Аммалат-бека не собиралось.

В июле 1823 года в Мехтулинском ханстве вспыхнуло восстание. Для его подавления вышел из Дербента со своим полком Е. И. Верховский. С ним находился и Аммалат-бек. Когда добрались до Карабудахкента, пришло известие, что мятежники успокоились и разошлись. Полку дали отбой и приказали возвратиться в Дербент.

Поражение мехтулинцев привело Ахмет-хана в полное смятение, однако в голову его пришла коварная мысль. В глухих карабудахкентских лесах он тайно встретился с Аммалат-беком. Ахмет-хан сказал воспитаннику Е. И. Верховского: «Пока ты находился у русских, мы засватали Солтанет за старшего сына шамхала Тарковского». Наступила тягостная пауза, Аммалат-бек тяжело дышал:

– Слушай, – прервал молчание Ахмет-хан, – я могу еще взять свое слово назад. Солтанет будет твоя, но единственное условие для этого – смерть Верховского, только его голова может послужить калымом за Солтанет. Если ты убьешь Верховского, – продолжал сын Аварии с усмешкой, – поднимется весь Дагестан, и тогда... Тогда ты станешь шамхалом Тарковским!

Слушая Ахмет-хана, Аммалат-бек припомнил, сколько добра, отеческой заботы проявлял к нему полковник. А теперь от него требовали поднять руку на этого человека. Но своя беда всегда значительнее. Любовь может вдохновить не только на подвиги...

– Скажи, – как сквозь сон услышал он голос хана, – не говорил ли Верховский, что хочет взять тебя в Россию?

– Да, говорил, – удивленно подтвердил Аммалат-бек, – а что?

– А то, что тебя хотят заманить в Россию, а оттуда, как бывшего бунтаря и зачинщика мятежа, отправить в Сибирь.

– Не может этого быть! – воскликнул Аммалат-бек. – У Верховского в России свадьба. Он собирается предложить руку молодой вдове полковника Пузыревского.

– Да, ловко придумано! – засмеялся Ахмет-хан. И добавил: – Запомнишь, что я тебе сказал? Не хочешь, да запомнишь.

На другой день после этого разговора полк Верховского ночевал в Губдене, а 19 июля 1823 года с утра двинулся к Утамышу. Далеко впереди по узкой долине ехал полковник, рядом находился лекарь Апшеронского полка Амарантов. Лицо Верховского было грустным. Чуть позади них со своими нукерами следовал Аммалат-бек. Вел он себя странно: то пускался вскачь, то на полном ходу осаживал лошадь, то по пустякам ругал слуг. Сейчас он был отчаянно одинок, на сердце у него было тяжело.

«Наконец, подходя к Утамышу, – писал военный историк Кавказа генерал-лейтенант В. Потто, – Аммалат-бек в последний раз пустил своего коня во весь опор и вдруг, выхватив на скаку винтовку из чехла, почти в упор выстрелил в Верховского. Пуля попала в сердце, и Верховский без стога свалился с коня».

Убийца бежал со своими людьми. В погоню отправился Эмирбек с всадниками, но, прибыв в Мекеги, узнал, что Аммалат-бек в этом ауле добыл свежих лошадей и ускакал в сторону Хунзаха. Ехать дальше не было смысла.

Тело полковника повезли в Дербент. Оказалось, что Аммалат-бек не уехал в горы, а несколько дней находился в окрестностях Дербента. В одну из ночей с местным жителем он отправился на русское кладбище. Второпях разрыл могилу, отрубил покойнику голову, кисть руки и, как сообщает В. Потто, «с этим кровавым калымом помчался к Хунзаху». Но Ахмет-хана там не оказалось. Хан Аварии, сорвавшись с кручи, вместе с конем погиб на дне пропасти. К моменту приезда Аммалатбека тело его уже предали земле.

Ханша, жена бывшего владельца Аварии, всегда ориентировавшаяся на Россию, приказала выпроводить Аммалат-бека из дворца, а страшная ноша была сброшена со скалы. После этого Аммалат-бек исчез из Дагестана, говорили, что он был убит при осаде Анапы в 1828 году.

Измена

Знаменитую красавицу Солтанет – страсть Аммалат-бека – увидел в Тарках путешественник И. Березин в 1830 году. Женщина отказалась принять его, сославшись на головную боль. Когда же Березин заявил, что не уйдет, не увидев Солтанет, согласилась встретиться с ним. В небольшой комнате русского ждали две женщины: старуха и Солтанет.

На поклон путешественника красавица привстала и грациозно ответила милым поклоном, закрывая нижнюю часть лица кисейным рукавом платья.

Пол комнаты, где она приняла русского, устланы коврами, на одной стене висели два простых зеркала и маленький дагестанский кинжал с шашкой. Березину предложили сесть на стул. Может быть, впервые в своей жизни писатель пожалел, что не умел хорошо рисовать. Оставалось только до мелочей запомнить внешность женщины, чтобы потом в своей книге описать ее, хотя никакие самые яркие эпитеты не могли помочь точно передать потрясающую красоту Солтанет.

На ней был кисейный платок и шелковый халун. «Стан ее сделал бы честь любой красавице», – сообщал путешественник. Ей было лет тридцать, но, несмотря на то, что природа обошлась с ней благосклонно, она сурьмила выразительные глаза. За все время свидания она только раз улыбнулась, обнажив свои красивые зубы. Ее рассмешил костюм иностранца. Чтобы расположить к себе, приезжий заявил, что он из татар. Слова эти не тронули Солтанет. Гость сожалел, что сказал неправду. Пауза затягивалась. Чтобы красавица не ушла, приезжий спросил:

– Я думаю, вам здесь скучно?

– Да, – ответила Солтанет, – я здесь скучаю. Было время, когда она ездила к морю с женой коменданта Низового. Теперь нет.

Березин знал, что 33-летний Абумуслим Тарковский, муж Солтанет, бросил ее, женился на молоденькой девушке и переселился в Казанище.

Длительная аудиенция считалась неприличной, и путешественник, откровенно любуясь женщиной, напоследок спросил, почему она не хотела его принимать.

– Потому, – отвечала Солтанет, – что все норовят влезть мне в душу, спрашивают о любви к Аммалат-беку. Был здесь и ваш Полежаев. Я ему указала на дверь...

Путешественник далее сообщает, что знаменитая ханша общалась с простыми людьми и даже принимала русского врача, лечилась у него. Женщина великолепно сохранилась и имела «гибкий стан кипариса».

Березин, извинившись, покинул дом. Во дворе сияло солнце, в тени дерева играли дети Солтанет, девочка трех лет и мальчик семи, своим шумом заполняя все вокруг. Они были милые создания, но выпачканные в грязи.

И вдруг Березин заметил, как из комнаты, грациозно ступая по лестнице, спустилась Солтанет. Увидя гостя, своим нежным голосом позвала детей и вернулась обратно. Навсегда скрылась в сакле, закрыв голову и лицо платком так, что был виден один кончик маленького носа. Эту сценку и разговор с женщиной путешественник запомнил на всю жизнь.

Умерла Солтанет в Дербенте. На мусульманском кладбище над самым морем находится ее могила. Только сегодня вряд ли кто знает, где именно покоится дочь аварского хана.

О Солтанет, ее красоте и трагической истории ее любви долго в горах бытовали легенды. Долгое время сохранялось как реликвия и платье красавицы. Оно было великолепно отделано и украшено и передавалось из поколения в поколение как фамильная ценность.

...Декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, будучи в Дагестане, написал повесть «Аммалат-бек» о жизни отпрыска шамхала Тарковского и его возлюбленной – несчастной Солтанет.

Шуанет

Во второй половине 1840 года генерал-лейтенант Галафеев отправился в рейд по Чечне: наказать непокорные аулы. Чтобы задержать карательную экспедицию, в глубокий тыл противника с 4-тысячной конницей рванулся знаменитый наиб Шамиля Ахверди-Магома.

Переходы были большими. Горцы, с детства приученные по многу часов находиться в седле, отлично выдержали экзамен. 28 сентября 1840 года четыре тысячи всадников туманным утром подошли к Тереку и заняли позицию. Со стен ударили пушки. Ахверди-Магома не сумел захватить крепость и вернулся в горы. Наиб должен был получить строгое порицание от имама.

И все-таки Ахверди-Магома торопился домой как никогда. Он вез Шамилю бесценный подарок. По дороге в Ставрополь горцы остановили экипаж. В нем жались друг к другу десять человек – семья московского купца 1-й гильдии Ивана Улуханова. Внимание мюридов сразу же приковала к себе удивительной красоты девушка, дочь купца Анна. На вид ей было 17–18 лет.

Есть и еще одна версия того, как Анна Улуханова стала пленницей. Личный секретарь Шамиля Мухаммед-Тахир ал-Карахи пишет: «Мюриды застали ее молящейся в церкви, когда все жители в панике бежали из города по направлению к Ставрополю. Ее пленные спутники сообщили Ахверди-Магоме, что она была невестой старого русского генерала»⁴.

⁴ Мухаммед-Тахир ал-Карахи. Три имама. Вып. 45. Махачкала. С. 130.

Шуанет

«Я была взята в плен вместе со своими родными», – рассказывала впоследствии сама Шуанет.

Приехав к имаму, Ахверди-Магома поведал о неудачах под Моздоком и, чтобы смягчить Шамиля, приказал ввести Анну Улуханову. Красота армянки потрясла имама.

*И каждый бы сделал набишей,
Любимой назвал бы женой
Затем, что и в битве погибший
Жены не заслужит такой⁵.*

Грузинские княгини, бывшие в плену у Шамиля, от самой Шуанет слышали о дальнейших событиях: «Долго мы томились в неволе, но, наконец, родные мои были все освобождены

⁵ Брик Б. Шамиль. Л., 1940. С. 55.

ценою выкупа... Шамиль не отпустил только меня, но я согласилась пожертвовать собою ради родных... В это время меня склоняли к принятию ислама, но, впрочем, не приневоливали. Я долго не соглашалась отказаться от своей веры, но, когда увидела и ближе узнала Шамиля, он мне понравился, и тогда из любви к нему я решилась на все... Теперь мне хорошо»⁶.

Анна Ивановна, разумеется, должна была изменить имя. Говорят, Шамиль в это время прочитал в какой-то книге рассказ о благочестивой женщине Шуанет.

*...Над строгой строкою Корана
Дала она вечный обет,
И стала красавица Анна
Женой Шамиля – Шуанет.*

Имеется немало свидетельств, говорящих о необыкновенной красоте этой женщины. Грузинские княгини при первой же встрече нарисовали ее портрет следующими красками: «Это была женщина лет 30, белая, полная, очень свежая, хорошенькая... Имя ее Шуанет».

Зайдет – жена Шамиля

⁶ Вердеревский Е. А. Кавказские пленницы, или в плену Шамиля. М., 1857. С. 237–238.

Вместе с княгинями Орбелиани и Чавчавадзе в плену находилась француженка госпожа Дрансе. По приезде домой она выпустила в Париже книгу, где уделила также место для жены имама Дагестана: «Шуанет среднего роста, – писала госпожа Дрансе, – трудно встретить женщину, у которой губы были бы красивее, нежели у нее, волосы нежнее, кожа белее»⁷.

«Она действительно прекраснейшей наружности», – с восторгом сообщал Илико Орбелиани, видевший жену Шамиля в 1842 году. Князь упрекал Шуанет в том, что она забыла веру, родных и свое отечество. Шуанет же уверяла Орбелиани в своих глубоких чувствах к родине и родственникам, но с не меньшей гордостью говорила о своей любви к Шамилю.

«Она любит Шамиля, – констатировали сестры-грузинки, – любит глубоко и искренне». Княгини спросили у Шуанет: «У Шамиля кроме тебя есть еще другая жена – Зайдет. Как же ты терпишь?»

– У меня к вам вопрос, – отвечала Шуанет, – я точно знаю, что у Шамиля кроме меня есть еще Зайдет. А вот знаете ли вы, кто кроме вас есть у ваших мужей?». Вопрос этот крайне смутил княгинь, но через минуту они дружно засмеялись. К ним присоединилась и Шуанет.

Однажды во время разговора с Шуанет они услышали слова, скорее похожие на исповедь: «Я была прежде в России и хотя была очень молода, однако уже кое-что понимала. Я из большого семейства, видела многих и слышала многое... И что же? Уверю вас, что Шамиль хоть и татарин, но, право, лучше иного христианина»⁸.

Дрансе отмечала: «Но надо послушать Шуанет, когда она говорит: «Шамиль», надо следить в это время за изменениями ее физиономии... надо слышать, с каким наслаждением она произносит это любимое имя!»⁹.

«Вот уже минуло 15 лет, как я сделалась женою его, – признавалась Шуанет Дрансе, – но я проливаю слезы только тогда, когда он бывает в походе и не присылает за мной. Если я в чем-нибудь провинюсь, он никогда не показывает недовольного вида, а обращается со мною ласково, как с ребенком...»

Шамиль иногда уступал ее желаниям. И тогда Шуанет, закутанная в чадру, садилась на лошадь и в сопровождении большого конвоя отправлялась к месту боевых действий. Жила она в палатке мужа, куда с минуты ее приезда вход посторонним был категорически воспрещен. Их любовь была взаимной. Шамиль чувствовал себя юношей, когда видел Шуанет.

Царицею сердца имама бесспорно являлась только она – это признавали все.

«Нередко, – рассказывал по возвращении на родину князь И. Орбелиани, – она (Шуанет. – Б. Г.) заставляла степенного имама прыгать с собою по комнате»¹⁰.

Жена Шамиля была добра и проявляла заботу обо всех, кто в ней нуждался. По ее просьбе имам приказал улучшить питание пленных, разрешил грузинским княгиням выходить на веранду подышать свежим воздухом. Нередко она тайком приносила какие-либо сладости их детям. Жизнь пленниц скрашивалась ее рассказами, советами и добрыми известиями с их родины – Грузии. «Я имела счастье понравиться ей, – писала госпожа Дрансе, – и благодаря этому я ни на минуту не была разлучена с княгинями».

Шуанет никогда не интересовала причина войны, ее не занимала политика. Ей не доставало не только лукавства, но даже маленькой хитрости. Весь круг ее интересов сошелся, как бы в фокусе, на личности Шамиля. Вне его как будто не существовал мир.

«Шуанет не занимается ничем, – заметили пленные княгини, – кроме красоты своей, ничего не придумывает, кроме новых и всегда новых средств для развлечения или утешения мужа, которого она любит глубоко и искренне».

⁷ Пленницы Шамиля. Воспоминания госпожи Дрансе. Тифлис, 1858. С. 98.

⁸ Вердеревский Е. А. Кавказские пленницы, или в плену Шамиля. М., 1857. С. 181.

⁹ Пленницы Шамиля. Воспоминания г-жи Дрансе. Тифлис, 1858. С. 54.

¹⁰ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. Махачкала, 1959. С.421.

Когда Шамиль уходил в поход, Шуанет молилась, держала уразу и беспрерывно страдала. Женщина боялась войны, потому что она отнимала у нее любимого человека и могла его убить. Но Шуанет думала и о других.

«Не понимаю, чего ищут люди! – часто говорила она. – Зачем они воюют, когда могли бы жить мирно и счастливо со своими семьями?».

Супруга имама знала армянский, русский, кумыкский и аварский языки. На двух последних она изъяснялась со своим мужем, доставляя ему необыкновенное удовольствие. Родители ее были люди очень богатые. Они предлагали за свою Анну самый дорогой выкуп, но Шамиль об этом и слышать не хотел. Казалось, предложи ему и полмира, он не расстался бы с Шуанет.

Однажды, когда очередная попытка выкупить Шуанет ни к чему не привела, родственники попросили разрешения хотя бы увидеть ее. Такое разрешение было дано двоюродному брату Шуанет Минаю Атарову. В первых числах мая 1848 года Минай прибыл в крепость Воздвиженскую. В пяти километрах от крепости его переодели в черкеску и дали полное вооружение. Затем Минай встретили люди Шамиля под командованием наиба Дуба. С большими трудностями на седьмой день Атаров прибыл в Ведено.

На третий день после приезда его принял имам. С Шамилем были и другие гости, в основном наибы. Подали плов. Вдруг все сделались хмурыми. На скатерти появилась халва. Она была вкусно приготовлена, но Минай почти не дотронулся до еды. Он видел зловещие взгляды сидевших вокруг него людей и забеспокоился. Ему сказали, что халву специально для него приготовила Шуанет. Сделав над собой усилие, он взял еще один кусок. В это время появился молодой горец и что-то сказал по-аварски, все заулыбались и стали наперебой предлагать гостю то или иное блюдо. О причинах перемены настроения наибов гость узнал чуть позже. Оказалось, что все это время из соседней комнаты в буфетное окно за ним наблюдала Шуанет.

– Вы с ума сошли! – сказала она. – Что это за брат?

Присутствующие начали думать: не шпион ли под видом брата Шуанет прибыл в их стан?

Однако Шуанет также могла ошибиться, ведь она видела брата в последний раз восемь лет назад. Минаю стали задавать вопросы, попросив отвечать громче. Он удивленно разглядывал соседей и недоумевал, почему надо кричать, разве они страдают глухотой и не слышат его? Все сидели молча и сосредоточенно. Громкий голос Минай признала, наконец, Шуанет.

– Это узаур-гардашим, – сказала она. Вот тогда-то и вошел молодой горец, после слов которого «лед тронулся».

На следующий день Минай водили по аулу, показывали достопримечательности, в том числе завели к часовщику, который за несколько минут как нельзя лучше вставил стекло в его часы. Минаю позволили осмотреть и пороховой погреб. В тот же день состоялась встреча с сестрой. При встрече с ней было еще шесть женщин.

Уселись на тахте и стульях. Все приветствовали гостя. Минай заговорил по-армянски. Но Шуанет отвечала на кумыкском языке. По просьбе брата она открыла лицо. Он видел, что сестра еще более похорошела. Вспоминали родных и близких. Услышав шорох, Шуанет быстро закрыла свое лицо. Вошел Шамиль. Сопровождавший Минай Агий-Аджи приложился к руке имама, но гостю этого сделать не дали. Теперь разговор пошел о здоровье, о дороге. Тут Минай вручил сестре золотые дамские часы. Шамилю также часы с золотой цепочкой. Его поблагодарили. Через полчаса имам ушел. Шуанет снова открыла лицо. Увидя среди угощения виноград, брат удивился: «В мае – свежий виноград?!» – «Здесь умеют хранить», – объяснила сестра. Свидание продолжалось до вечера. Когда вышли на улицу, Агий-Аджи попросил никому о форме свиданий с Шамилем не говорить.

14 мая 1840 года брат Шуанет в сопровождении 13 мюридов и наиба Дуба пустился в обратный путь. Минай ехал на великолепном скакуне, подаренном ему Шамилем.

Шуанет была рядом с мужем и на Гуниб-горе. 25 августа 1859 года она снова попала в плен, но на этот раз уже к «своим».

Как уже известно, Темир-Хан-Шуру первыми покинули имам и сын его Кази-Магомед. По дороге и по приезде в Калугу Шамиль все время беспокоился, что родственники Шуанет могут приехать из Моздока в Темир-Хан-Шуру и забрать ее. О его переживаниях, разумеется, хорошо знал пристав, полковник Богуславский. Он как-то спросил Шамиля, что, если бы Шуанет снова сделалась христианкой, взял бы он ее к себе как жену?

– Возьму, – быстро отвечал Шамиль.

– А она пойдет ли к вам с охотой?

Шамиль смутился, но ненадолго.

– Пойдет! – сказал он твердым голосом.

В Моздоке один из братьев Улухановых на самом деле предложил Анне оставить Шамиля. Но его предложение она отвергла. Поняв, что ее решения не изменить, Улухановы тепло приняли семью Шамиля.

В январе 1860 года экипажи с родственниками имама подъезжали к Калуге. Чуть раньше прибыл Мухаммед-Шеффи. Имам спросил о здоровье путешественников, кто едет и кто не едет. И, как рассказывала жена губернатора М. Н. Чичагова, «каждый раз, что Шамиль произносил женское имя, глаза его опускались, но они метали искры, когда Шеффи рассказывал, что лошади всю дорогу благополучно везли Шуанет...»¹¹

В трудные годы долгого плена Шуанет была Шамилю не только женою, но и самым верным другом. Если в свое время она училась у мужа понимать Дагестан, то теперь в России они поменялись ролями. О беспредельной преданности Шамилю и в то же время о детской наивности Шуанет говорит такой факт.

Предводителем дворянства в Калуге являлся некто Щукин, сын которого много лет назад служил в уланском полку вместе с Джамалудином – старшим сыном имама. Видимо, поэтому Шамиль с симпатией относился к предводителю дворян. Женщины семейства Щукиных в знак дружбы подарили женской половине семьи Шамиля свои фотографии. Русские дамы, в свою очередь, захотели получить фотографии горянок. Но как это сделать? Ведь горянки не должны показывать свое лицо постороннему мужчине! Выход все-таки нашелся: фотографировать жен имама взялась супруга мастера. И вдруг перед съемкой Шуанет залилась слезами. Это случилось, когда она увидела драгоценности, украшавшие Зайдет. Оказалось, что в день пленения Шамиля на Гунибе Зайдет позаботилась о себе и спрятала драгоценности, полученные от княгинь Чавчавадзе и Орбелиани. А Шуанет, объятая горем, была занята только своим мужем. Она страшно боялась, что больше его не увидит. И вот теперь женщина не хотела фотографироваться без бриллиантов.

Кто виделся с Шуанет в Калуге, также отмечал ее внешнее обаяние.

«Шуанет, – писала жена губернатора Калуги М. Н. Чичагова, – сохранила следы красоты, молодости и отличалась... скромностью. Цвет лица ее нежный, щеки румяны... черты лица правильные, глаза голубые, и вообще вся наружность ее была симпатичная... Неудивительно, – сообщала далее губернаторша, – что она была царицей сердца Шамиля и что он не отдал ее за миллион родным».

Сохранилось письмо, написанное на русском языке рукой Шуанет. Адресовано оно в Моздок родному брату – Якову Ивановичу Улуханову. Письмо дает возможность в какой-то мере заглянуть в мир ощущений жены Шамиля и как бы прикоснуться к ней самой.

«Любезный братец, – писала из Калуги в мае 1860 года Шуанет, – с большим удовольствием пользуюсь предстоящим случаем, чтобы засвидетельствовать вам мое глубочайшее почтение и родственную любовь. Имам, муж мой, также свидетельствует Вам свое почтение.

...Письмо это вам доставит Кази-Магомед. Прошу Вас, любезный братец, а также и всех наших родственников, оказать ему такое же гостеприимство как бы мне самой... Ваше внима-

¹¹ Чичагова М. Н. Шамиль на Кавказе и в России. – СПб, 1884. С. 152.

ние и гостеприимство, которые вы окажете Кази-Магомеду, мы будем считать большим для себя одолжением.

Жизнь наша в Калуге продолжается по-прежнему в совершенном довольствии и спокойствии.

...Наш прекрасный дом сделался еще лучше. Из него можно видеть на очень далекое пространство и... везде... видим мы зеленые горы, зеленые леса и много деревень, окруженных зеленью. Я не знаю, чего еще желать: мы счастливы.

...Вместе с тем прошу вас убедительно не отказаться написать к нам когда-нибудь хотя несколько строчек: ваши письма доставят нам большое удовольствие.

Остаюсь любящая вас сестра... Шуанет, жена Шамиля»¹².

Это письмо с русским текстом подписал и имам со следующими словами: «Нуждающийся в помощи божьей чужестранец Шамиль».

Шуанет осталась со своим мужем до конца. Вместе с ним она выехала из России, посетила Джидду, Мекку, а 4 февраля 1871 года похоронила его в Медине. В этом городе закончилась 30-летняя совместная жизнь ее с Шамилем.

После смерти Шамиля Шуанет была свободна и могла возвратиться к своим родственникам. Но она осталась верна памяти мужа.

Что же дальше? В июне 1871 года пришло письмо от А. И. Барятинского. Князь приглашал Шуанет с семьей в Россию. В том же месяце 14 числа в Мекке было написано ответное письмо, начинающееся словами: «От скорбящей Шуанет его сиятельству князю Барятинскому. Привет тебе и твоей супруге». Затем вдова Шамиля извещала: «Письмо твое облегчило сердце мое... Муж мой покойный и покойная дочь завещали мне не покидать так скоро их могилы. Во всяком случае, знаменитый фельдмаршал, не забывая меня и удели мне место в твоих благодеяниях. Поручаю тебе любезного сына моего Кази-Магомеда. Просьбу эту я обращаю к тебе из глубины моей скорби. Приветствую тебя еще раз. Скорбная изгнанница Шуанет».

После приезда Кази-Магомеда в Мекку она перебралась в Константинополь и жила там с детьми своего мужа. Говорят, что султан Турции определил ей пенсию до конца жизни. Умерла Шуанет через 6 лет после смерти Шамиля, в 1877 году, в возрасте 54 лет. Могила ее находится в Константинополе (ныне Стамбул).

¹² Дневник полковника А. Руновского. С.121–123.

Каримат

Все, кто видел Каримат, дочь наиба Даниель-бека Елисуйского, считали, что у нее лицо небесной красоты. Детство ее прошло в Закаталах, бывала она и в Тифлисе. Владела своим родным аварским, кроме того, русским и грузинским языками.

Пребывание в Грузии и встречи с образованными людьми в определенной мере повлияли на внутренний мир девушки. Она не верила легендам и сказкам из священных книг, о чем имела смелость открыто говорить, за что считалась безбожницей.

Даниель-бек султан Елисуйский

Одевалась девушка изысканно, чему отец ее Даниель-бек не препятствовал. Держалась независимо, и не всякий мог быть удостоен ее внимания. Перед именитыми кунаками она могла нарочно предстать «искусной соблазнительницей», но, к ее чести, надо заметить – определенную черту она никогда и никому не позволяла переходить.

Когда Даниель-бек в 1844 году изменил царскому правительству и перешел к Шамилю, встал вопрос и о соединении Каримат с сыном имама Кази-Магомедом. Брак для Даниель-бека имел чисто политическое значение, хотя будущие муж и жена относились к этому совершенно по-разному. Сын Шамиля был влюблен в дочь Даниель-бека. В его глазах она выделялась не только красотой лица и загадочностью сверх меры. В отличие от других горянок, одевалась Каримат совершенно по-иному, была опрятна и казалась недоступной, как снежная вершина. Каримат проявляла к Кази-Магомеду полное безразличие и не вышла бы за него замуж, если бы не настаивал отец, которому она скрепя сердце покорилась.

Каримат – дочь Даниель-бека, невестка имама Шамиля

У Шамиля невестка не вызывала особых симпатий. И только просьба сына заставила имама пойти на родство с семьей Даниель-бека. Имам видел, что Каримат не любит его сына и занята больше нарядами и собой. Прямо скажу, Каримат не была подарком для семьи мужа. Жила она в резиденции мужа в селении Карата. И лишь изредка, по какому-либо чрезвычайному случаю, могла быть приглашена в Ведено. Она, пожалуй, была единственным человеком, который мог послушаться имама. Строгий наказ имама женщинам одеваться как можно проще и скромнее будто и не касался ее. Обычно на ней было белое тонкое платье, отделанное золотыми петлями и пуговицами, шелковый платок, атласный архалук, уши ее украшали серьги в виде полумесяца из золота с драгоценными камнями.

В марте 1855 года по случаю скорого приезда старшего сына имама Джамалудина Казимагомед с женой были вызваны в Ведено. Все семейство имама и любопытные высыпали на балконы. Во двор шамилевской резиденции Каримат въехала на лошади, сидя по-мужски. Одетая она была в соболью шубу, крытую старинной золотой парчой.

Белый платок из тонкого материала спускался с головы на спину. Лицо закрывала густая вуаль, также вышитая золотом. Ехала она грациозно и сошла с лошади не менее достойно.

Вся женская половина приветствовала Каримат теплыми словами. Шамиль же удивился ее неповиновению и сказал недовольным тоном: «Любезная Каримат, мне очень приятно тебя видеть, но неприятно заметить, что жена моего сына не изменила своим привычкам и по-прежнему продолжает одеваться в дорогие наряды. Мне кажется, что золотое покрывало совершенно не нужно, особенно здесь, где простота соблюдается всеми». Никто не услышал, что отвечала Каримат, но что она не изменила своим вкусам и привычкам, все видели впоследствии.

Соединившись с ней, Кази-Магомед не сделался особенно счастливым. Он видел безразличие жены к себе, но побороть свою пылкую любовь к Каримат так до конца жизни и не сумел.

Кази-Магомед с женой Каримат

Когда Шамиль в 1859 году отступал из Ведено, через Карату шел в Гуниб, туда следовал также Кази-Магомед с женой. Отец Каримат Даниель-бек к этому времени уже перешел на сторону А. Барятинского и делал все, чтобы вернуть свою дочь. Попытка не увенчалась успехом. В дни осады Гуниба Каримат находилась среди людей Шамиля, хотя особой пользы от нее нельзя было ожидать. Напротив, есть сведения, что она через своего слугу передала русскому командованию сведения о положении осажденных.

Во время сдачи Гуниба Даниель-бек у всех на глазах отвел свою дочь в лагерь Барятинского. Но имам, в ту минуту занятый своими мыслями, не обратил особого внимания на бестактность перебежчика. Когда в Темир-Хан-Шуре Даниель-бек хотел удержать свою дочь при себе, имам пришел в ярость и хотел убить предателя. Каримат осталась с отцом.

Как известно, Кази-Магомед сопровождал Шамиля в Россию. Они поселились в Калуге. Через 4 месяца прибыла вся семья имама. Отсутствовала только Каримат. Кази-Магомед не находил себе места, и, невзирая на условности, которые тогда существовали между отцами и сыновьями, он откровенно признался Шамилю в своем большом чувстве к жене. Шамиль понимал сына, жалел его и, хотя знал, что Каримат не может принести счастья, разрешил Кази-Магомеду поехать за ней. Кстати, этому проекту не противилось и русское правительство.

5 мая 1860 года, получив благословение отца, Кази-Магомед выехал в Дагестан. Шамиль все время с тревогой думал, насколько успешно закончится поездка сына и вернет ли Даниель-бек дочь законному супругу. Шли дни за днями, волнение росло. Наконец, имам не выдержал, 31 мая вызвал к себе пристава А. Руновского и спросил, как долго может находиться в дороге Кази-Магомед. Тот отвечал, что все зависит от обстоятельств на месте, а дорога может занять от одного до трех месяцев. Шамиля волновало и другое: надо было подыскать квартиру

для сына и его жены. Когда он сказал об этом вслух, Руновский крайне удивился. Пристав спросил, не с ним разве будет жить родной сын? Имам высказался в том смысле, что Каримат – враг его сыну и ему самому. «До сих пор я знал, – заявил Шамиль, – что Кази-Магомед очень любит свою жену, что она отравит или его, или меня, или сделает какую-нибудь гадость»¹³.

В данном случае Шамиль был несправедлив. Вероятно, неприязнь к Даниель-беку, независимый характер его невестки и ее нелюбовь к Кази-Магомеду вызывали у имама досаду и, в свою очередь, неприязненное чувство к Каримат. Как бы то ни было, Шамиль считал, что им нельзя жить под одной крышей.

Кази-Магомед задержался в Дагестане гораздо дольше, чем предполагалось, и вернулся в Калугу лишь 16 августа 1860 года. Общественное мнение и некоторый нажим местных властей поставили Даниель-бека в такие условия, что он волей-неволей должен был отпустить дочь свою в Россию. Женская половина дома, относящаяся с завистью к тому, что им недоступно, встречала ее сдержанно и без особого восторга.

А вот какое впечатление она произвела на казначея Шамиля Хаджио. В разговоре с приставом Руновским он говорил: «Такой красавицы, как Каримат, нигде нету! В Петербурге нет, в Москве нет, в Харькове нет. Кази-Магомед был в театре: там много красавиц... такой нет. И на Кавказе нет! Одна роза такая».

Каримат и Кази-Магомеду по распоряжению Шамиля выделили флигель, в котором буквально через месяц после этого события приезжая заболела. Домашний врач объяснил болезнь Каримат последствием золотушного худосочия. На родине болезнь проявляла себя незначительно и уступала домашним средствам. В Калуге же, где Каримат жила в сыром флигеле, да еще безвыходно, недуг усилился. Женщина не видела солнца, мало бывала на воздухе. К ней неприязненно относилась жена Шамиля Зайдет, Каримат отвечала ей тем же. Она неумеренно употребляла, как и другие дагестанки в Калуге, уксус и лимоны, что, как говорили, также усугубило болезнь. Главной же причиной ее состояния была тоска по родине. Так признал врач.

К февралю 1861 года Каримат стало худо. Болезнь прогрессировала. Потерявший голову Кази-Магомед не знал, как спасти любимую жену. Доктор сказал, что повлиять на ее состояние вряд ли теперь чем-либо можно и что она страдает неизлечимой болезнью. Каримат настолько исхудала, что уже нельзя было признать в ней былую красавицу. Она перестала есть, улыбаться, лежала в постели, отрешенная от всего мира, безразличная к мужу, который по-прежнему ласкал ее, называя нежными именами. В мае 1862 года 25 лет от роду она умерла. По просьбе Даниель-бека Каримат решено было похоронить в городе Нухе. За счет государства ее везли в железном саркофаге. Тело умершей сопровождал офицер Гузей Разумов.

После того, как не стало Каримат, Кази-Магомед долго страдал, очень похудел. Многие думали, что и у него началась чахотка. Однако врачи ничего опасного не нашли, но глубокий след на сердце от потери любимого человека у сына Шамиля сохранился на всю жизнь.

* * *

За выдающийся военный и административный талант Шамиль назначил Галбац-Дибиря Каратинского главою четырех наибств. Не раз он получал от имама благодарность за свои действия. И, скажем, такие указания, как нижеприведенное письмо:

«От Шамиля к дорогим братьям, кадию Галбацу, всем его сподвижникам и друзьям. Привет вам и милость.

А затем. Выселите из сел. Хунзах сто пятьдесят дворов сторонников нечестивых в места, где есть наибы. Остальных же расселить по окружающим аулам искренних мусульман. Затем, Галбац, я разрешил тебе взять два орудия в твой вилает. Все».

¹³ Дневник полковника А. Руновского. С.150.

Галбац-Дибир знал себе цену, был своенравен и нередко мог вскипеть и обидеть зазря человека, даже не разобравшись, виноват он или наговорили на него. Может, поэтому, а может, еще по каким-либо другим причинам имам освободил его от всех должностей, передав устно через людей такие слова: «Пусть дома отдохнет!». На его место наибом в Карату Шамиль назначил шамхала Хелетурина, вскоре заменив его своим сыном Кази-Магомедом.

...Как-то в Карате хоронили человека. Жена Кази-Магомеда, несравненная красавица Каримат, со своего балкона наблюдала за скорбной процессией. С высоты двухэтажного дома ей видно было все как на ладони.

Вдруг Каримат встрепелась. Среди хоронивших людей она обратила внимание на юношу, месившего босыми ногами грязь. Не задумываясь о последствиях, она отправила прислугу узнать, кто этот молодец с такими привлекательными чертами лица и белой, как у девушки, кожей.

– Сын бывшего наиба Галбац-Дибира, – отвечали ей, – зовут Хадисом.

Слух о том, что жена Кази-Магомеда заинтересовалась молодым человеком, как многоголосое эхо в горах, разошелся по Карате и ее окрестностям.

Рано или поздно слух этот докатился и до ушей ее мужа Кази-Магомеда. Он как бы между прочим поговорил с Хадисом, оставил его в покое, а через нарочного отослал Галбац-Дибирю письмо следующего содержания: «От огорченного Кази-Магомеда дорогому и одаренному Галбац-Дибирю привет. А затем. Мною был приглашен... Хадис. Я ему рассказал многое, что было секретом для других, но мои наизидания он не принял и за мною не пошел, потому я остался им очень расстроенным. Я считаю, что сейчас мы должны не ссориться, а продление разговора может привести к разрыву отношений. Остальное вам расскажет тот, кто передаст письмо вам».

О носившихся в воздухе слухах и сплетнях узнал, конечно, и Шамиль. Он решил, что будет мудро не оставлять Хадиса на родине. Если у молодых людей появился интерес друг к другу, то действенным лекарством, думал имам, будет их разлука. Хадиса зачислили в телохранители Шамиля и перевели в столицу имамата Ведено.

Проходит какое-то время, и Галбац-Дибир неожиданно извещают о том, что его сын Хадис сильно захворал, поэтому ему следует прибыть в резиденцию имамата.

Почувяв недоброе, Галбац-Дибир сел на лошадь и в одиночку отправился в Чечню через Андийский перевал.

Люди подсказали ему, в каком доме следует искать Хадиса. Он постучал в дверь, однако никто не ответил. Галбац-Дибир вошел в саклю и нашел мертвого сына. На его теле он обнаружил темные пятна, рану. Галбац-Дибир не кричал, не звал на помощь, помнил, где находится и как должен вести себя.

Ударом ноги он сломал хребет сыну, вдвое сложил мертвое тело его в мешок.

– Вот подарок нам от имама, – объявил он своей жене Тамари.

Хадиса предали земле без шума. Прекрасная Каримат из своего окна снова видела, как на кладбище копошатся люди – на балкон она на сей раз не вышла. Страх, охвативший ее несколько дней назад, сковал тело железным обручем. Она старалась отогнать страшное предчувствие! Идет война, и мало ли кого на ней убивают – на всех сердца не хватит.

Хотя Галбац-Дибир категорически запретил распространяться о случившемся, по кривым улочкам ползли самые разные слухи, в которых, что – правда, а что – кривда, никто не мог разобраться.

Вероятно, все это толкнуло сына имама обратиться к отцу Хадиса со следующим письмом: «От огорченного Кази-Магомеда дорогим родителям Галбацу и жене Тамари привет. Пусть бог даст вам спокойствие. Когда по подозрительной причине кончилась жизнь моего душевного брата Хадиса и его считанные дни прошли... Я не в состоянии понять то, что говорят окружающие меня люди... Пусть бог очищает грехи погибшего и увеличивает вам милость. Хадисы и аяты о божьем предопределении и вам самим известны...»

Из второй половины письма становится ясно, что его автор понимает, насколько родителям Хадиса тяжело, они могут объявить ему вражду, однако пусть не стараются унижить его, Кази-Магомеда, как человека и его деятельность как наиба Каратинского...

В начале осени 1859 года Шамиль, потеряв все надежды на победу над царскими войсками, стал перебираться из Чечни в Дагестан. Одну из ночевок по пути в Гуниб он устроил в Карате.

Жители аула на этот раз не выразили того восторга, как бывало в прошлые годы. Они даже старались не покидать свои сакли, свои дворы, будто забыли обычаи предков: приходить на помощь людям, попавшим в беду. Только Галбац-Дибир отправился провожать имама в путь.

А в это время его родственники сговорились убить Шамиля, когда тот спустится в ущелье Рехани. Галбац-Дибир не только не согласился с ними, но и резко их осудил. Он сказал: «Я верой и правдой служил имаму. То, что вы собираетесь сделать, опозорит наш тухум в Дагестане и Чечне. Если вы не собираетесь отказаться от своего плана, то сперва убейте меня, затем Шамиля».

Месть не состоялась, и Галбац-Дибир вместе с другими поднялся на Гуниб-гору. Как и другие, он перенес все тяготы обороны. Во время переговоров, когда Лазарев захотел, чтобы Шамиль сдал оружие, наиб Муртузали стал вытаскивать из ножен кинжал, но Галбац-Дибир остановил его словами: «Имей терпение!». Вслед за этим он обратился к имаму: «Наши прадеды говорили: у кого много богатства, у кого сладкий язык, тот должен идти впереди. У тебя сладкий язык – иди ты, Шамиль, вперед!».

Шамиль ушел с Юнусом к А. Барятинскому.

После развязки долгого противостояния в Гунибе Галбац-Дибир вернулся в Карату, но не успел от долгого пути отдохнуть, получил от Кази-Магомеда такое письмо:

«Дорогому Галбац-Дибиру и членам вашей семьи привет. А затем. Желаю, чтобы вы были здоровы... Я до сих пор не сумел разгадать характер людей. До этого года никак не мог различать грязное от чистого. Я, оказывается, был похож на человека, державшего змею за пазухой. Ох, как жаль, что раньше я не знал об этом. Мы находимся в большом огорчении, что не с таким уважением отнеслись к вам и не позаботились о вашей работе. Наш отец того же мнения. Как бы тяжело не было случившееся от нас, мы просим тебя простить того, что не должно было случиться...

Сегодня мы выезжаем в Петербург. Надеемся на бога, что наше положение улучшится. Крепость Шура, 1276 г. Сапар месяц».

Заканчивая рассказ о каратинской трагедии, я прихожу к мысли, что на самом деле дыма без огня не бывает.

Из слов моего собеседника, потомка Галбац-Дибера, из писем Кази-Магомеда и Шамиля к этому человеку улавливаешь, что жена сына имама, Каримат, видимо, на самом деле увлеклась сыном Галбац-Дибера Хадисом. Последний также оказался в плену несравненной женщины, что привело к большому несчастью, о чем я попытался вкратце рассказать.

Шамиль и Кази-Магомед, насколько я разобрался, раскаялись, а сумели ли Галбац-Дибир и его родичи простить их – мне неизвестно.

Внучки Шамиля

Старшей дочерью сына Шамиля – Магомеда-Шеффи и его жены Марьям была Патимат-Заграт. Шатенка, круглолицая, с темными глазами, она была среднего роста. В характере Патимат-Заграт чувствовалось, что в ней, кроме аварской, течет еще кровь матери – татарская. Великолепно ездила на лошади. Одевалась на манер русских барышень.

В Петербургском институте благородных девиц Патимат-Заграт получила высшее образование, владела несколькими иностранными языками. В 1907 году в Петербурге она вышла замуж за Махача Дахадаева. Во время родов пришлось сделать кесарево сечение. Родился мальчик Адильгерей.

Так как Патимат-Заграт больше не могла иметь детей, Махач с согласия всех, к кому это имело отношение, женился на ее сестре – Нафисат. Девушка имела чуть удлиненное лицо, рыжеватые волосы, унаследованные от отца. Она, как и старшая сестра, окончила институт благородных девиц, была жизнерадостной, веселой, любила шутить. Ее и старшую сестру везде принимали как дочерей генерала Магомеда-Шеффи и внучек Шамиля с почетом и большим уважением.

В начале 1916 г. Махач и Нафисат приехали в Темир-Хан-Шуру. Они сняли квартиру в доме Талибова на Меликовском шоссе. Затем купили дом на Апшеронской улице, принадлежавший офицеру Дагестанского полка Мальсагову. Дом считался таинственным, приносящим только несчастья.

Махач Дахадаев, будучи несуетерным человеком, не обращал внимания на разговоры, хотя знал, что 19-летняя красавица – дочь Мальсагова на почве любви застрелилась именно в той половине, в которой поселился сам он с юной женой. Тем более революционер не мог предположить, что, когда через два года его убьют, именно здесь будут отпевать и прощаться с ним люди.

Перед гибелью Махач Дахадаев успел написать жене два коротеньких письма следующего содержания. Письмо первое: «Темир-Хан-Шура. 20 сентября 1918 г. Нафи! Сегодня уходи к Агладзе... Дома не сиди». Письмо второе: «Милая Нафи! Я выехал не повидавши тебя. Надо было торопиться. Я оставил тебе записку, чтобы ты ушла к Агладзе и не оставалась бы дома. Повторяю эту просьбу теперь, обязательно сделай это. Обо мне не беспокойся... Четыре человека должны тебя охранять.

Давать о себе сведения буду тебе каждый раз, когда представится возможность. Пока всего лучшего. Целую тебя крепко. Твой М. 20. IX. 1918 г.».

В тот же день между Верхним Дженгутаем и Аркасом Дахадаев был убит людьми Нухбека Тарковского.

Еще до гибели мужа Нафисат Дахадаева в Темир-Хан-Шуре в типографии М. Мавраева стала издавать программную газету «Время» на русском языке. Первый ее номер увидел свет 3 апреля 1917 года. На страницах «Времени» выступали У. Буйнакский, Г. Саидов, С.-С. Казбеков и другие революционеры. Нафисат Дахадаева опубликовала и первое обращение Дагестанского просветительного бюро, возглавляемого У. Буйнакским. В обращении говорилось, что бюро принимает все пункты РСДРП(б). Всего было выпущено двадцать номеров газеты.

...В 1963 году я встречался с вдовой революционера М.-М. Хизроева – Р. А. Хизроевой. Ее рассказ о дальнейшей судьбе сестер, думаю, представляет интерес: «Узнав о гибели Махача Дахадаева, мы поспешили на Апшеронскую улицу. Нафисат не причитала, не кричала, а тихо плакала. В тот же день хоронили убитого. Так как в городе были враги революции, то разрешили провожать тело покойного брату Махача – Джабраилу, художнику Е. Е. Лансере и еще четверем или пяти мужчинам. Зато было много оплакивающих женщин.

В это время наши люди в горах создавали партизанские отряды. Я уехала в Хунзах. Вернулась только в конце марта 1919 г. Я обратила внимание на то, что в доме Нафисат квартировал казанский татарин полковник Кугушев. Они понравились друг другу, и 22-летняя внучка Шамиля стала женою постояльца.

Махач Дахадаев и Патимат-Заграт

Когда наши пришли, уничтожили полковника. В 1923 г. мать этих сестер – Марьям-Ханум забрала Нафисат с собою в Петроград. После смерти матери в их доме поселился некто латыш Сырутович, который в конце концов женился на Нафисат. Кажется, это случилось в 1932 г. Нафисат со своим новым мужем приезжала в Буйнакск. У латыша были странности. Например, он по улице среди бела дня ходил босиком. Этого очень стеснялась Нафисат, поэтому она ходила по другой стороне. Прожили они в Буйнакске недолго и уехали в Ленинград.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.